

Ларина Татьяна Юрьевна

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА: ОБЪЕКТИВНОСТЬ VS СУБЪЕКТИВНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ КОРОТКОГО РАССКАЗА К. МЭНСФИЛД "ПСИХОЛОГИЯ")

В статье делается попытка выявить условия ограничений на объективное декодирование художественного произведения, исходя из коммуникативного подхода к интерпретации текста. Предлагаемая теория апробируется на материале короткого рассказа К. Мэнсфилд "Психология". Получены выводы, что на стыке объективного и субъективного уровней, в динамическом взаимодействии между авторской метафорической деятельностью и воплощаемыми автором сознаниями обнаруживаются "ключи" к значению и смыслу феномена художественного произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-4/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 4. С. 102-105. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 408.52

В статье делается попытка выявить условия ограничений на объективное декодирование художественного произведения, исходя из коммуникативного подхода к интерпретации текста. Предлагаемая теория апробируется на материале короткого рассказа К. Мэнсфилд «Психология». Получены выводы, что на стыке объективного и субъективного уровней, в динамическом взаимодействии между авторской метафорической деятельностью и воплощаемыми автором сознаниями обнаруживаются «ключи» к значению и смыслу феномена художественного произведения.

Ключевые слова и фразы: текст короткого рассказа; интерпретация текста; концептуальная метафора; имплицитный автор; объективность; субъективность.

Ларина Татьяна Юрьевна, к. филол. н.
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
tatianalarina2008@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА: ОБЪЕКТИВНОСТЬ VS СУБЪЕКТИВНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ КОРОТКОГО РАССКАЗА К. МЭНСФИЛД «ПСИХОЛОГИЯ»)

В современных лингвистических изысканиях, носящих, как правило, междисциплинарный характер, художественный текст интерпретируется как интегральный сегмент более глобального коммуникативного процесса [3, с. 34]. Классическая модель данного процесса, предложенная, в частности, Р. Якобсоном, включает в себя следующие компоненты: адресат, сообщение, слушающий субъект, контекст развертывания сообщения, код и контакт между участниками коммуникации [11]. На фоне указанной модели литературное произведение можно рассматривать как своеобразный тип сообщения. Другие коммуникативные модели, имеющие непосредственное отношение к литературным произведениям, выявляют действенность текстуального и экстратекстуального уровней, а в рамках последнего уровня системно выделяют такие симметричные компоненты, как персонаж, рассказчик, имплицитный автор, имплицитный читатель [6; 7].

Непосредственно текстуальный уровень оказывается равнозначным гармоничному сочетанию таких понятий, как объективность и субъективность, которые, в свою очередь, проявляются в совокупности уникальных (частотно повторяющихся) характеристик сообщения, реализующих индивидуальную языковую картину и личностный почерк адресанта. Образ имплицитного автора трактуется как текстуальный субъект, предопределяет уникальность характеристик художественного сообщения, которую имплицитный читатель (не реальный субъект, а теоретический конструкт) призван принять во внимание и задействовать в интерпретации [9].

Литературные персонажи предстают конструктами авторского воображения. Однако художественное сознание во многом сходно с реальным человеческим сознанием, его подражательной и интеракционной природой (более подробно см. [1]). В этой связи, как представляется, актуальными оказываются такие проблемы, как:

- анализ художественного сознания в аспекте более детального понимания реального сознания;
- выявление динамического соответствия между литературными персонажами и читателями, постигающими повседневность этих персонажей;
- определение функций подобной динамики с учетом авторских импликаций в тексте.

Это всего лишь некоторые проблемные вопросы, с которыми сталкивается современная лингвистика текста, исследующая в том числе прагматические способы интерперсональных взаимоотношений между рассказчиком и читателем при активном посредничестве автора. Несомненно, что сознание, запечатленное в художественном тексте, и реальное сознание обладают многочисленными сходными характеристиками.

В контексте художественного произведения создаются условия для частотной повторяемости тех или иных характеристик текста. Эти характеристики, в свою очередь, манифестируются определенными стилистико-лингвистическими (языковыми и речевыми) средствами, между которыми устанавливаются системные взаимоотношения, проливающие свет на индивидуальный почерк письма имплицитного автора при отражении сознания персонажей.

В качестве частотных стилистико-языковых средств, формирующих авторский идиостиль, выступает метафора, воспроизводящая подобие между несходными предметами и явлениями на основе антитезы, контраста. Современные разнообразные теории метафоры преимущественно базируются на понятии дуальности (парности несхожих концептов, внутренней и внешней формы, источника и соответствующего фрейма). Признано, что именно дуальность является типичным детерминатором всех метафор, на основе которого выстраивается типология метафорических номинаций и смыслов [10].

В более общих терминах различные типы метафор основываются на доступности адресату одной из двух – внешней или внутренней – форм данного стилистического тропа. Прежде всего, оба компонента метафоры могут получать явную выраженность посредством предикативного или номинативного выражения, например, *tears are diamonds – слезы – это изумруды* [14, р. 53]; *love is a journey – любовь – это путешествие* [Ibidem, р. 92]. Другими словами, вербализацию получают оба компонента, формирующих метафору, которая, в свою очередь, близка образному сравнению, поскольку между первым и вторым компонентом можно вставить сравнительный союз *like – словно, как будто, как*. Ср.: *her nerves are strings of a harp – ее нервы – струны лиры – her nerves are vibrating like the strings of a harp – ее нервы вибрируют, как струны лиры* [Ibidem, р. 163].

Некоторые исследователи выводят подобные неявные сравнения за рамки метафоры, поскольку они не представляют собой «загадки», настоятельно требующей решения. Утверждается, что метафоры-загадки основываются на обнаружении того феномена, номинация которого эксплицитно не репрезентируется в тексте [2, с. 32]. Ср.:

Waiting, she saw looks at the clock of her years... [14, p. 59]. / *В ожидании она смотрит на часы своих лет...* (здесь и далее перевод автора статьи. – Т. Л.).

Метафорическое выражение *the clock of her years* трактуется адресатом как своеобразная загадка, которая подразумевает множественную интерпретацию: под данным выражением можно иметь в виду и зеркало, и календарь, и альбом с фотографиями. Очевидно, контекст последующего повествования однозначно указывает на искомую номинацию (в данном случае – альбом с фотографиями). При этом анализируемая нами метафора формируется двумя элементами, один из которых представлен неявно, другой – заявлен эксплицитным образом посредством выделенного номинативного выражения.

В когнитивной лингвистике метафора определяется в том числе как осознание одного концептуального домена в терминах другого домена [8]. Языковая структура концептуальной метафоры обеспечивает неявный доступ к домену-источнику, домен-цель выводится адресатом на основе умозаключений, с учетом специфики реализации метафор в системе языка. Метафорическое высказывание, взятое вне контекста своего функционирования, не может быть однозначно интерпретировано. Ср.:

We are spinning our wheels [12, p. 128]. / *Мы вращаем наши колеса.*

Интерпретируя данное высказывание в отрыве от контекстуального фактора, читатель не имеет возможности осознать его как являющееся средством выражения концепта LOVE / ЛЮБОВЬ. Очевидно, что в этом случае анализируемое высказывание трактуется в своем первичном значении (как средство выражения концепта JOURNEY / ПУТЕШЕСТВИЕ). Для выявления переносного метафорического смысла данного высказывания адресат текста призван мысленно соотнести его с другими образными выражениями, которые многогранно репрезентируют концептуальную метафору LOVE IS A JOURNEY / ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ (например, *we're at the crossroads – мы на перепутье дорог; we're in the dead end street – мы вышли на улицу-тупик; our marriage is on the rocks – наш брак – на скалах* и т.д.). Другими словами, языковая система обеспечивает контекст для оптимальной интерпретации того или иного высказывания в терминах метафорических образов. Языковая структура концептуальной метафоры многообразно подразумевает потенциальное имя метафоры, указывая на домен-источник. Концептуальные метафоры, базирующиеся на неявном сравнении, коренятся в системе языка, которая, в свою очередь, обеспечивает потенциальные контексты для формирования метафоры.

Вне всяких сомнений, многочисленные языковые единицы активно включаются в метафорический процесс, который можно рассматривать в качестве одного из фундаментальных условий поступательного развития системы языка. Этот процесс обладает когнитивной структурой и требует от адресата особых усилий по контекстуальной интерпретации семантических характеристик языковой единицы. Языковой знак предстает стабильной сущностью и одновременно подвержен семантическим изменениям во времени за счет активного включения в процессы метафорического преобразования, потенциально предполагает сдвиги в семантической структуре (приобретение смыслов, «смысловых оборотов») как следствие взаимодействия формы и содержания.

Короткий рассказ Кэтрин Мэнсфилд «Психология» оптимально отражает приведенные выше размышления. Короткая проза К. Мэнсфилд ассоциируется с отказом от традиционной структуры сюжета и драматического действия в пользу метафорической презентации образа персонажа через голос рассказчика. В повествовательном стиле рассказов данного автора последовательно отражается женский субъективный эмоционально-волевой опыт, образ мужчины трактуется исключительно в терминах рациональности. С опорой на символические формы К. Мэнсфилд исследует бессознательные желания женщины в попытке решить проблему несоответствия между идеальной сферой сознания и физическим телом.

Модернистское художественное направление, к которому принадлежит автор, культивирует понятие выражения через символическую форму повествования [4; 5]. К. Мэнсфилд сосредотачивает внимание, прежде всего, на возможностях подобных форм, рассматривает короткий рассказ как оптимальный способ освещения внутренних конфликтов, присущих человеку эпохи модернизма. Авторские короткие рассказы – это своеобразные художественно запечатленные «проблески» в повседневной жизни обычных людей, семей, зафиксированные в какой-то определенный момент, застывшие во времени, как художественное полотно или фотографический снимок. В авторском повествовании раскрывается и получает развитие одно «основное» событие. В прозаическом искусстве К. Мэнсфилд это событие предлагает читателю в миниатюре то, что закономерно для целой человеческой жизни, по сути дела, отражает саму повседневную жизнь.

Текст короткого рассказа «Психология», написанный К. Мэнсфилд, мы неоднократно предлагали для интерпретации студентам третьего курса лингвистических специальностей (в курсе «Теория и практика английского языка»). В процессе наших текущих наблюдений и творческих выступлений студентов мы пришли к заключению, что смысл, заложенный в данный текст, намного превосходит уровень повествования. Вместе с тем, когда наши исследовательские находки были представлены на одном из научных семинаров кафедры английского языка гуманитарных факультетов ЮФУ, некоторые участники семинара посчитали, что предлагаемая нами интерпретация обозначенного выше текста короткого рассказа является «чрезмерно субъективной». Подобное острое несогласие во мнениях позволило нам выразить идею о том, что либо участники научного семинара «не увидели» то, что нам после многократного чтения рассказа удалось «увидеть», либо опять-таки по многочисленному прочтению текста мы стали выявлять косвенные смыслы, которые не присутствуют в его

семантической структуре. В рамках данной публикации мы систематизируем результаты наших наблюдений и предлагаем свою интерпретацию текста указанного выше короткого рассказа с учетом современной теории концептуальной метафоры.

Этот рассказ отличается достаточно незамысловатым сюжетом, в котором обнаруживается два безымянных персонажа: мужчина и женщина. На первый взгляд может показаться, что название рассказа не соотносится с его содержанием, поскольку предполагает, что художественное повествование освещает особенности человеческой психики в определенный жизненный момент. Однако в самом повествовании не отражается активная работа сознания человека, не содержится указание на когнитивную деятельность двух персонажей.

Лексема *mind* – *сознание* встречается в тексте рассказа всего два раза. При первой текстовой актуализации данной лексемы персонажи образно сравниваются с «открытыми городами»:

Like two open cities in the midst of some vast plain their two minds lay open to each other [13, p. 73]. / *Подобно двум открытым городам, распростершимся где-то на обширной равнине, их сознания были открыты друг для друга.*

Исходя из интерпретации контекста повествования, рассказчик характеризует взаимоотношения между персонажами как дружбу, хотя у читателя существует соблазн определить их как «угасающее пламя некогда вспыхнувшей любви» (но в тексте не обнаруживается прямых свидетельств для этого).

При второй актуализации лексемы *mind* – *сознание* сознания персонажей сравниваются с предметами мебели:

What fools they were – heavy, stodgy, elderly – with positively upholstered minds [Ibidem, p. 74]. / *Какими же глупцами они были – неповоротливые, скучные, пожилые – с определенно обтянутым обивкой сознанием.*

Прилагательное *upholstered* – *обтянутый обивкой* порождает в тексте ассоциации с концептом МЕБЕЛЬ. Сознание персонажей трактуется в тексте короткого рассказа в образных терминах как обладающее пространственными формами городов и мебели. Данные формы мы интерпретируем в качестве метафорической конфигурации человеческой психики. Персонажи, действующие в тексте рассказа, поддерживают гармоничные отношения в тот момент, когда они находятся в светлом помещении и в непосредственной близости друг к другу, а между ними отсутствуют объекты-препятствия:

...the table pushed away, their two chairs drawn up to the light [Ibidem, p. 76]. / *...стол отодвинут в сторону, стулья, на которых они сидят, придвинуты близко к свету.*

Местоположение предметов мебели в пространстве комнаты, в которой находятся персонажи, выступает пространственной метафорой, неявно указывающей на характер взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Стол удален в тень, стулья, на которых сидят персонажи, плотно соприкасаются и ярко освещены – все это косвенно свидетельствует о позитивном психологическом контакте между персонажами. Предикаты, отражающие передвижение предметов мебели в помещении, употребляются в форме страдательных причастий, т.е. фиксируют действия, которые совершены самими персонажами, которые, возможно, намеренно стремятся упрочить установившийся между ними контакт.

Взаимоотношения персонажей усложняются, заметно порождают дискомфорт, когда дистанция, разделяющая мужчину и женщину, увеличивается, в поле зрения появляются предметы-препятствия, принуждающие участников общения принять защитительную позицию:

Both of them escaped. She made up the fire and put the table back, the blue chair was wheeled forward, she curled up and he lay back among the cushions [Ibidem, p. 77]. / *Оба они отодвинулись друг от друга. Она приблизилась к камину, поставила стол туда, где тот до этого стоял, синее кресло выкатили вперед, она свернулась калачиком, а он уютно устроился среди подушек.*

В вышеприведенном фрагменте активируются метафоры охлаждения взаимоотношений между персонажами (на что неявно указывает предикат *escaped* – *отодвинулись друг от друга*). Объективность существования мужчины и женщины определяется на фоне двух сознаний, состояние которых последовательно отражает концепт ПСИХОЛОГИЯ, сегментом которого неизбежно оказывается концептуальная метафора ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МУЖЧИНОЙ И ЖЕНЩИНОЙ. Эта метафора, в свою очередь, основывается на системе языка, задействует антонимичные домены, такие как «близко» и «далеко».

Уточняя средства выражения указанной метафоры, можно говорить о том, что:

- близость отношений персонажей ассоциируется со светом (*their two chairs drawn up to the light* – *стулья, на которых они сидят, придвинуты близко к свету*), отсутствием предметов-препятствий между ними (первый домен);

- отдаленность их отношений – с увеличением пространственной дистанции между ними, обнаружением предметов-препятствий в рамках этой дистанции, символизируемых лексемой *the table* / *стол*, номинативным сочетанием *the blue chair* – *голубое кресло* (второй домен).

Вместе с тем в смысловых недрах текста данного короткого рассказа порождаются новые уникальные метафоры, которые не коренятся в языковой системе, их осознание требует от читателя особых когнитивных усилий. Активация этих метафор в тексте рассказа может быть оспорена, поскольку для этого не обнаруживается достаточных данных, они возникают на границе субъективного и объективного начал. Можно прийти к заключению, что рассматриваемые нами метафоры проникнут в систему языка, станут достоянием повседневной речи, если их субъективность окажется широко принятой со стороны пользователей языка.

Таким образом, в процессе интерпретации художественного текста исследователь (как и проницательный читатель) обнаруживает себя на пограничье субъективной (личностное восприятие) и объективной (план выражения и содержания текста) сфер. Интерпретатор потенциально приходит к выводам, которые

не могут считаться неоднозначно субъективными, отвергаться как ненаучные, хотя умозаключения, к которым он пришел, не всегда подкрепляются объективными текстовыми данными. По всей видимости, целесообразно признать тот факт, что границы между субъективностью и объективностью характеризуются размытостью и неопределенностью. В связи с этим процессы экспликации смыслового содержания художественного текста (особенно текста короткого рассказа, в котором автором намеренно не озвучивается большая часть семантических посылок) не могут быть однозначно маркированы как объективные.

Подобная интерпретативная ситуация имеет непосредственное отношение к текстам художественной литературы, которые нацеливают читателя на многомерное постижение, требуют декодирования неявно выражаемых смыслов на основе анализа буквальных значений, ассоциаций, возникающих при исследовании контекста взаимодействия персонажей. В литературных текстах неизбежно проявляются особенности метафорического мышления автора, объединяющего несовместимые сущности и в то же время намеренно ограничивающего читательский доступ к форме и содержанию метафоры. В результате читательское декодирование метафорических образов сопровождается размыванием границ между объективным и субъективными началами, что, в свою очередь, мотивируется желанием усилить удивление от процессов интерпретации текстов.

Литературные персонажи выявляют широко разнообразие состояния сознания, признают существование «другого» сознания, потенциального блага или угрозы, которые оно может представлять. В условиях художественного произведения персонажи оказываются погруженными в физический и социальный контекст, который формирует виртуальный мир повествования, взаимодействуют друг с другом. Другими словами, объективность и субъективность одновременно функционируют на уровнях макрокосмоса (реального мира, в котором живут читатели) и микрокосмоса (виртуального мира, в который по воле автора внедрены персонажи, устанавливая и поддерживая коммуникативный контакт друг с другом).

Список источников

1. **Азарова О. А., Кудряшов И. А.** Автобиографическая модель повествования в прозе Б. Поплавского: многоголосие памяти // Гуманитарные и социальные науки. Ростов н/Д: Северо-Кавказский научный центр ЮФУ, 2016. № 6. С. 23-32.
2. **Азарова О. А., Кудряшов И. А.** Когнитивный подход к исследованию неявного знания // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2015. № 21. С. 30-33.
3. **Гаврилова Г. Ф., Мальчева Н. В., Григорьева Н. О. и др.** Предложение и текст: системность и функциональность: коллективная монография. Ростов н/Д: АкадемЛит, 2015. 412 с.
4. **Калинина Е. В.** Маркеры выдвижения актуальной информации в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2015. № 21. С. 694-697.
5. **Калинина Е. В.** Образ персонажа как текстовая категория: когнитивные перспективы исследования // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2015. № 5.6 (65). С. 2100-2113.
6. **Клеменова Е. Н., Кудряшов И. А.** Герменевтический анализ текста: когнитивные основания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. Пенза: Академия естествознания, 2013. № 7. С. 109-113.
7. **Котова Н. С., Кудряшов И. А.** Проблема выражения точки зрения автора и персонажа-рассказчика в художественном тексте // European Social Science Journal. М.: Международный исследовательский институт, 2013. № 8-1 (35). С. 235-242.
8. **Кудряшов И. А., Пантелеев А. Ф.** Проблема метафоры как пересечения доменов в концептуальной структуре дискурса // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2015. № 21. С. 163-168.
9. **Ласкова М. В., Земляная А. С.** Проблема рассказчика и имплицитного автора в современной лингвистике текста // Гуманитарные и социальные науки. Ростов н/Д: Северо-Кавказский научный центр ЮФУ, 2015. № 1. С. 176-184.
10. **Пантелеев А. Ф., Кудряшов И. А.** Метафора как концептуальный компонент персуазивной коммуникации // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2015. № 21. С. 591-594.
11. **Якобсон Р. О.** Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.
12. **Fine A.** Blood Family. N. Y.: Random House, 2015. 327 p.
13. **Mansfield K.** Psychology // Mansfield M. Collected Stories. L.: Penguin Books, Ltd., 2010. P. 72-77.
14. **Whitehead A.** To Be a Queen. N. Y.: Faber and Faber, 2013. 231 p.

INTERPRETATION OF THE TEXT: OBJECTIVITY VS. SUBJECTIVITY (BY THE EXAMPLE OF THE SHORT STORY BY K. MANSFIELD “PSYCHOLOGY”)

Larina Tat'yana Yur'evna, Ph. D. in Philology
Southern Federal University, Rostov-on-Don
tatianalarina2008@yandex.ru

The article makes an attempt to reveal the conditions for restrictions on the objective decoding of a literary work, based on a communicative approach to the interpretation of the text. The proposed theory is approved on the basis of the short story “Psychology” by K. Mansfield. Conclusions are drawn that at the junction of the objective and subjective levels, in the dynamic interaction between the author’s metaphorical activity and the consciousness embodied by the author the “keys” to the meaning and sense of the phenomenon of the literary work are revealed.

Key words and phrases: short story text; text interpretation; conceptual metaphor; implied author; objectivity; subjectivity.